

БИБЛИЯ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ В РОМАНАХ ДЖ. СТЕЙНБЕКА

Одним из авторов, который совершенно уникально для всей американской культуры интерпретирует Библию, является Джон Стейнбек (1902 – 1968). Насыщенность библейскими аллюзиями, реминисценциями и символикой, а также прецедентная плотность авторского художественного текста, делают произведения писателя крайне сложными для перевода на другие языки.

Долгие годы в российском литературоведении наследие американского писателя изучали прежде всего в социальном ракурсе (см.: С. С. Батурин 1984 [1]). Библейский контекст текстов писателя стал объектом исследования только 1999 году, в работах А. В. Кремневой [4]. В белорусской науке единственная работа, посвященная изучению творчества Дж. Стейнбека, принадлежит А. М. Бутырчик (2003) [3].

В этой статье речь пойдет о наиболее значимых с нашей точки зрения работах Джона Стейнбека в хронологической последовательности: триумфальный роман «Гроздь гнева» (1939); самый лучший с точки зрения самого автора роман «На восток от Эдема» (1952); и последний, синтезирующий все творчество писателя роман «Зима тревоги нашей» (1961).

Роман «Гроздь гнева» (*The Grapes of Wrath*) был переведён на русский язык 1940 год, через год после выхода в печать в США. На белорусский язык произведение было переведено Семеном Дорским (пер. Сямён Дорскі «Гронкі гневу»). Оно представляет собой хронику переселения семьи Джоудов из штата Оклахома в штат Калифорния. Основными его характеристиками можно считать хроникальность повествования, ограничение во времени и пространстве. Очевидно, что основным мотивом стала библейская история об Исходе народа Израиля из Египта.

Магистральный, вернее, ключевой герой – Джим Кэйси (Jim Casy). Он наделен библейской внешностью: «It was a long head, bony; tight of skin, and set on a neck as stringy and muscular as a celery stalk <...> Fully half of the face was above the eyes» [9, p. 13]. Его портрет сродни канонической греческой иконописи: Кэйси создает впечатление святости и отрешенности от всего мирского. В момент встречи Джим напевает популярную в Америке с 1925 года мелодию «Yes, Sir, That's My Baby», но измененные слова обладают библейским содержанием:

Yes, sir, that's my
Saviour [9, с. 13].

Да, сэр, он спаситель
Перевод Н. Волжиной
[5, с. 32].

Впервые именование «Saviour (Спаситель)» встречается еще в Ветхом Завете и наиболее часто употребляется в Книге пророка Исаии, где Спаситель – это Бог Израиля. Например: «Truly You are God, who hide Yourself, O God of Israel, the Savior!» (*Is 45:15*). В Новом Завете можно встретить это переосмысленное именование применительно к Иисусу Христу, начиная с Посланий к Тимофею: «Paul, an apostle of Jesus Christ, by the commandment of God our Savior and the Lord Jesus Christ, our hope» (*1 Ti 1:1*), и далее в Посланиях к Титу (*Tit 1:3; Tit 1:4* и т.д.), Посланиях Петра (*2 Pet 1:1; 2 Pet 2:20* и т.д.). Итак, в образе преподобного Кэйси соединяются две традиции: ветхозаветная, которая связывает уже отмеченные аллюзии на пророка Исаию, и новозаветная как воплощение веры и надежды на спасительную миссию Иисуса Христа – Богочеловека на земле. Можно полагать, что Джим Кэйси представляет собой аллюзию на образ Иисуса Христа. Так же, как и Христос, Кэйси обнаруживает в себе ответственность за все человечество. Дважды герой описывается озаренным светом, последний раз – перед смертью, в этот момент его называют «that shiny bastard» [9, с. 293], что дословно означает «этот светящийся бастард». Необходимо отметить, что в переводе Н. Волжиной этот фрагмент передан как «лобастый черт» [5, с. 350], что не соответствует замыслу Дж. Стейнбека. Писатель, скорее всего, играет понятиями «свет – святой» и тем самым подключает различные библейские коннотации: озаренный светом Моисей даровал людям Скрижали Завета, Слава Господня у Исаии, само описание внешности Иисуса Христа и т.д. Кроме этого, подобно Христу, Кэйси принимает на свои плечи вину других людей, добровольно отказывается от собственной жизни ради блага других (садится в тюрьму за Тома). А предсмертные слова, вложенные автором в его уста трижды: «You don't know what you're a-doin'» [9, р. 293] («Вы не ведаете, что творите») [5, с. 350], перекликаются со словами Иисуса в Евангелии от Луки (См.: *Lk 23:34*). Это позволяет видеть в образе Джима аллюзию на образ Иисуса Христа, что графически заметно уже в имени героя: **Jim Casy – Jesus Christ**. Данная аллюзия в образе Кэйси важная, но единственная. Несколько раз в тексте романа дословно цитируется книга Экклесиаста. Джим Кейси некогда был проповедником (аллюзия на Проповедующего в собрании из Экклезиаста), но позже отрекается от своего призвания. Дж. Стейнбек пытается внушить читателям оптимизм: «Мы не умрем. Народ, он будет жить – он меняется

немножко, а жить он будет всегда» [5, с. 415]. Эти слова являются аллюзией на библейский стих: «There is no end of all people» (*Eccl 4:16*). Нарастающий людской гнев против притеснения делает людей солидарными друг другу. Писатель ведет диалог с автором Экклесиастом: «oppression maketh a wise man mad» (*Eccl 7:7*). Слово «mad» в этом контексте переводится как «озлобленный», «злой». (В русском Синодальном переводе вместо прилагательного «озлобленный» употребляется определение «глупый»: «Притесняя других, мудрый делается глупым» (*Еккл 7:7*)).

Исходя из результатов исследования, мы пришли к выводу, что Дж. Стейнбек передает судьбу всей страны через историю семьи Джоудов. Для достижения этой цели автор использует мотив Исхода народа Израиля из Египта, проводя параллель между судьбами американцев и евреев. Этот мотив реструктурирован Дж. Стейнбеком и может быть интерпретирован как Исход в обратном направлении, потому как Джоуды в действительности так никогда и не достигли Земли Обетованной. Автор описывает кризис 30-х гг. сквозь призму аллюзий на Судный День. Мотив Судного Дня создан с помощью аллюзий на Книгу Пророка Исаии, Евангелие от Марка и Откровение Иоанна Богослова. Каждый образ романа имеет под собой глубокую основу. Двенадцать членов семьи Джоудов могут быть интерпретированы как 12 колен народа Израиля (Joads – Judas) и как 12 апостолов; Джим Кэйси – Проповедник из Экклесиаста, Иоанн Креститель и более всего Иисус Христос; Том – Моисей, Блудный Сын, один из Апостолов Христа; Роза Сарон – героиня Песни Песней, в последней сцене предстающая перед читателем как Дева Мария. Двойственность ветхо- и новозаветной интерпретаций героев может быть воспринята как воплощение писателем идеи диалога и перехода от иудаизма к христианству, что может быть заметно из реконструкции паттерна, где «Я» переходит к «Мы» – идее вселенской любви в Иисусе Христе. Таким образом писатель создает несколько уровней интерпретации текста, читателю открываются все новые смыслы авторского замысла. Библия как метатекст, транслируется на всех уровнях художественного текста, благодаря чему происходит бесконечное интерпретирование и смыслопорождение.

В романе «К востоку от Эдема» (*East of Eden*) основной фундамент текста составляет концепция «Тимшел» (повиновение, предопределение или выбор). Она находит воплощение в словах китайского слуги Ли: ««Thou mayest rule over sin (Ты можешь господствовать над грехом)» . That's it. I do not believe all men are destroyed» [8, р. 306–7]. К этому выводу он приходит, попросив китайских старцев, младшему из которых девяносто лет, сделать перевод с древнего иврита.

Необходимо отметить, что вопрос относительно перевода, который поднял Дж. Стейнбек в романе, задает главное проблемное поле романа. Мы приведем этот фрагмент текста в русском переводе, так как он репрезентирует проблему трактовки и понимания библейского текста и не нуждается в комментариях. Долгое время старцы рассуждали над шестнадцатью стихами из четвертой главы «Бытия»: «”Будешь господствовать”? “Господствуй”? И вот какое золото намыли мы долгими трудами: “Можешь господствовать”. “Ты можешь господствовать над грехом”. И улыбнулись старцы, закивали головами, чувствуя, что недаром потрачены два года. <...> Американская Стандартная [Библия] приказывает людям господствовать над грехом, как господствуют над невежеством. Английская Королевская сулит людям непременно победу над грехом, ибо “будешь господствовать” – это ведь обещание. Но древнееврейское слово “тимшел” – “можешь господствовать” – дает человеку выбор. Быть может, это самое важное слово на свете. Оно говорит человеку, что путь открыт – решать предоставляется самому человеку. Ибо если “ты можешь господствовать”, то верно и обратное: “а можешь и не господствовать” <...> Важен всякий завет, повлиявший на мышление, на жизнь бесчисленных людей» [6, с. 307]. Посредством собственной интерпретации библейской притчи, Дж. Стейнбек создал новую онтологическую модель. Мы обратились к подстрочному переводу стиха (*Быт 4:7*) и выяснили, что слово «тимшел» стоит на иврите в такой грамматической форме, что может при переводе быть передано формой будущего времени, либо формой повелительного наклонения. Это напрямую отражено как в английской Королевской Библии (в которой использовано будущее время), так и в русском синодальном переводе (в котором использована форма повелительного наклонения).

Гипотеза о невозможности такого перевода слова «тимшел» подтверждена существующими переводами (более двадцати вариантов) Библии на английский язык. Интересен тот факт, что нам все-таки удалось найти вариант перевода, представленный Дж. Стейнбеком в романе в параллельной еврейско-английской версии перевода Библии с Масоры: «If thou doest well, shall it not be lifted up? and if thou doest not well, sin coucheth at the door; and unto thee is its desire, but thou mayest rule over it» (*Gen 4:7*) [11]. В связи с тем что в последний раз перевод Ветхого Завета с Масоры переиздавался в 2005 году, можно предполагать, что такой вариант был сделан уже под влиянием Дж. Стейнбека. В этом смысле отношения между художественным текстом Дж. Стейнбека и текстом Библии являются смыслопорождающими, а автор, посредством конструирования нового для американской культуры смысла библейской притчи о Каине и Авеле, создает свой собственный миф.

В романе «Зима тревоги нашей» (*The Winter of Our Discontent*), согласно замыслу Дж. Стейнбека, герой нравственно перерождается. Это перерождение усиливается тем, что первые главы романа образуют библейскую параллель с сюжетами о смерти (Страстная Пятница) и Воскресении (Пасхальное Воскресение) Иисуса Христа. Своеобразную нравственную эволюцию претерпевает в эти дни Итен Хоули. От «устаревших» понятий о чести, долге, моральной ответственности, связанных в его сознании с религиозными заветами, он приходит к принятию жестоких законов реально существующего мира. Вторая часть романа связана с событиями, происходящими в День независимости США. Такая композиция дает читателю возможность понять, что воскресение и возрождение Итена Аллена Хоули связывается Дж. Стейнбеком с надеждой на возрождение всей Америки путем возврата к принципам морали и демократии пилигримов и отцов-основателей.

Необходимо отметить, что в этом произведении Дж. Стейнбека не так много завуалированных аллюзий. Вместо этого библейский текст достаточно часто цитируется дословно, а реплики героя словно перебивают этот текст. Монологи Итена напоминают лоскутное одеяло, сшитое из множества цитат, но вместе с тем они выполняют функцию отражения многоголосия потока сознания автора: «‘Hear me O ye canned pears, ye pickles and ye piccalilli –’ As soon as it was day, the elders of the people and the chief priests and the scribes came together and led Him into their council – ’as soon as it was day. The buggers went to work early, didn’t they? They didn’t waste no time no how. Let’s see now. ‘And it was about the sixth hour’ – that’s maybe twelve o’clock-’and there was a darkness over all the earth until the ninth hour. And the sun was darkened.’ <...> Aunt Deborah wrought better than she knew. It’s not the six the hour yet – not yet» [10, p. 11–12].

Таким образом, главный герой не просто цитирует Священное Писание, но и ведет с ним внутренний диалог. В приведенном монологе цитируется Евангелие от Луки ((*Luk 32:33*); (*Luk 23:44–45*); (*Luk 23:44–45*); (*Luk 23:28*); (*Luk 23:31*)).

Очевидным является факт, что Дж. Стейнбек открыто включает библейские реминисценции в текст, при этом отсылки к Библии даются не последовательно, а хаотично. Весь монолог, произнесенный главным героем перед консервными банками, достигает уровня пародии и даже гротеска. В этом смысле библейский текст перестает быть только интертекстом и приобретает черты гипертекста, чтобы приблизить героя к нравственному идеалу и вместе с тем подчеркнуть его расхождение с ним.

В крамольной беседе, во время которой Итена Хоули пытаются обольстить, в герое вновь заговорят голоса пилигримов, и обыденная беседа сменится библейской проповедью:

«Ethan said, “And after that they had mocked Him, they took the robe off Him. And as they came out they found a man of Cyrene, Simon by name. Him they compelled to bear His cross. And when they were come unto a place called Golgotha – that is to say, a place of a skull –” (подчеркнуто нами. – P.C.)

“Oh, for God’s sake!”

“Yes-yes-that is correct....”

“Do you know what a son of a bitch you are?”

“Yes, O Daughter of Jerusalem”» [10, p. 18].

Дж. Стейнбек дословно цитирует Евангелие от Матфея (*Matt 27:31–33*), незначительно меняя только синтаксическое оформление стихов. Здесь автор избегает запятых, непрерывно подводя нас к акцентируемому паузами предложению: «Голгофа – что значит “лобное место” – ». Подобно тому, как место распятия Иисуса Христа – Голгофа, в понимании героя его Голгофа, место его «распятия», наказания находится в семейном особняке и в нем самом. Подытожим, что цикл преступлений Страстной Пятницы образуют испытания Итена (донос на Марулло, подготовка к ограблению банка, убийство Дэни посредством денег). Голгофой представляется сам Итен, который посредством греха сам наносит себе раны. Воскресение происходит благодаря покаянию Итена и желанию продолжать свой путь ради неповторения истории «страстей» в судьбах его детей. Судьба Итена Хоули передается через многочисленные отсылки и аллюзии на сюжет о грехопадении, на притчу о Каине и Авеле, на страсти Иисуса Христа, на Песнь Песней, Евангелия от Луки и от Матфея и другие тексты Библии. Дж. Стейнбек делает это для того, чтобы показать расхождение героя с нравственным идеалом и вместе с тем – чтобы приблизить героя к нему.

Исходя из всего выше сказанного можно заключить, что Библия, выступая в качестве одного из наиболее влиятельных для Дж. Стейнбека прецедентных текстов, предстает как метатекст, и не воспроизводится в художественном произведении, а переструктурируется, соотносясь с новым историко-культурным контекстом.

Литература

1. Батулин, С. Джон Стейнбек и традиции американской литературы / С. Батулин. – М. : Наука, 1984. – 426 с.
2. Библия : Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические : Синодальный перевод.

3. Бутырчык, Г. М. У пошуках Бацькаўшчыны : Выход тыпалагічнага даследу творчасці Джона Стэйнбека і Кузьмы Чорнага / Г. М. Бутырчык. – Мінск : РІВШ, 2003. – 70 с.
4. Кремнева, А. В. Функционирование библейского мифа как прецедентного текста : (на материале произведений Джона Стэйнбека) : автореф. дис. на соискание степени канд. филол. наук / А. В. Кремнева. – Барнаул : Изд-во пед. ун-та, 1999. – 44 с.
5. Стэйнбек, Дж. Гроздья гнева ; Зима тревоги нашей / Дж. Стэйнбек; пер. с англ. : Н. Волжиной, Е. Калашниковой. – Минск : Ураджай, 1985. – 638 с.
6. Стэйнбек, Дж. К Востоку от Эдема / Дж. Стэйнбек; пер. с англ. : А. Михалев – главы 1 – 18 ; О. Сорока – главы 19 – 33 ; Г. Злобин – главы 34 – 55. – Кишинев : Иностранная литература, 1986. – 676 с.
7. Holy Bible: New King James Version, containing The Old and New Testaments. – Nashville, 1982.
8. Steinbeck, J. East of Eden / J. Steinbeck. – N.Y. : Viking, 2003. – 601 p.
9. Steinbeck, J. The Grapes of Wrath ; The Moon is Down ; Cannery Row ; East of Eden ; Of Mice and Men / J. Steinbeck. – N. Y. : Penguin Classics, 1979. – 837 p.
10. Steinbeck, J. The Winter of Our Discontent / J. Steinbeck. – N.Y. : Penguin Classics, 1986. – 291 p.
11. A Hebrew-English Bible According to the Masoretic Text and the JPS 1917 Edition [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.mechon-mamre.org/p/pt/pt0.htm> – Date of access : 11.05.2014.